

Теремок не из сказки

Н. ХРАБРОВА

Холм под Смоленском. Высокий, в акварели ромашек, клевера, кипрея, душистой медуницы. Хозяйкой стоит на холме береза и ласково машет зелеными рукавами. Пойдешь на ее зов — не покалеешь: увидишь с высоты, как уходят в синеву просторы пламенной России. А рядом с самой березой увидишь одно из чудес этого края — талашинский Теремок.

Лучше всего отправиться в Талашинко в понедельник, среду или пятницу: тогда с деревянной самой Теремка встанет на встречу, а вам невысокая девушка — Лариса Сергеевна Журавлева, художница-графиня, искусствовед.

К сожалению, мы пока еще мало знаем о детстве и ранней юности Марии Клавдиевны Тенишевой — так начнет она рассказ об одной женской судьбе. И, обойдя вокруг Теремка с его добрым запахом сухого дерева, с цветными сказками его резьбы, по чистым ступенькам войдем в сени и станем свидетелями и участниками этой судьбы. Мы узнаем ее с того года, когда молодая женщина, ученица петербургских живописцев, в том числе Репиной и парижских, становится членом императорского общества живописи и искусства — в имени Талашинко. Мы узнаем, что хорошо образованная и понимающая искусство, она не только не почувствовала себя оторванный от него в деревенской глупи, но углубилась в него. Только это искусство рождено не в мастерских художников, а деревенских избах. В каждой избе свои художники: краснодеревщики и резчики, скульпторы и живописцы-керамисты, мастера кружев, вышивки, ткачества, вязания... Иначе, как художниками, и не назовешь бесчисленных безвестных творцов красного.

Так начинаются коллекции Марии Тенишевой.

Она не позадает себе ни малейшего милостыни, ни малейшей вкусовщины. Она приглашает в Талашинко знатока древнерусского искусства и ярого сориателя предметов народного быта И. Ф. Барщевского. За нортное время на средства Марии Клавдиевны он собирает столько художественных народных изделий в дополнение ее первоначальным коллекциям, что в Талашинке им становится тесно. Тогда в Смоленске, на Россальском шоссе, Мария Клавдиевна строит прелестное двухэтажное кирпичное здание для музея «Русская старина», купа в 1905 году и переселяются коллекции.

А в Талашинке Мария Клавдиевна создает нечто подобное абрамцевским художественным мастерским. Она шлет приглашения многим художникам России, и они становятся ее постоянными гостями. С. В. Малютин, влюбленный в русскую старину, делает для мастерской проект Теремка. Построенный в старом русском стиле, он дошел до наших дней в его первоначальном виде. Сам Малютин преподает окрестные резчики, гончары и вышивальщицы. Не одни Малютин у них в учителях — учат их,

или, как мы теперь сказали бы, консультируют. Репин, Врубель, Николай Рерих, Константин Коровин, Валентин Серов, Васнецов, Поленов, Поленова, Якунчикова и сама Мария Клавдиевна. По их рисункам и эскизам талашинские крестьяне создавали произведения, в которых сила народной одаренности соединялась с утонченностью и культурой больших талантов русских. «Моя талашинская мастерская есть прора искусства русского. Ежели бы искусство это достигло совершенства, оно стало бы общемировым, то есть с ним произошло бы то, что случилось с картинами Шадрина», — писала Мария Клавдиевна Васнецовой.

В 1905 году Тенишева возила свою коллекцию в Париж. Лувр отвел под них несколько залов. Три года в этих залах парижане открывали народное искусство России. Отзывы о выставке и ее учредительница были восторженными. Объявились и покупатели, которые предлагали Марии Клавдиевне огромные суммы. Но она в 1908 году увезла свою коллекцию в Россию и отдала ее Смоленскому историко-этнографическому обществу. Были в сокровищах такие богатства, как самая крупная в мире коллекция антарлей. Были живописные полотна крупнейших художников России и Запада, были смоленские, вологодские, архангельские «чудеса» — предметы народного творчества. Была «сириня» — сумка с серебряными, золотыми, медными и бронзовыми украшениями и утварью. Были иконы старины русского письма.

Многое утерялось в вихре нашего бурного века. И сама Мария Клавдиевна, совершив трагическую ошибку, кончила дни свои вдали от родины. Но большинство собранных ею сокровищ сохранилось и украшает экспозиции смоленских музеев — краеведческого, исторического, картической галереи. В Талашинке, на холме под березой, стоит каменная усадьба Н. К. Рериха с его смальтой мозаикой Спаса Нерукотворного над порталом. А в Теремке — вышиванки, кружевы, мебель, сделанные крестьянами по эскизам художников. И коллекции Марии Клавдиевны: расписные прялки, набойные и прянничные доски, затейливые самовары и муренные замки, солонки, сахарницы, кости, кадила, лампадки, горшки муральные и деревянные пасхальные писанки, лукошки, сани, кузова, балалайки, лохани.

— Тоня! — просит Лариса Сергеевна юную светлокосую девушку. — Наденька смоленский наряд.

Тоня уходит и вскоре возвращается в тканом сарафане, расшистой кофте и передником от юных сразу хорощеет ее зардившимся, большеглазое лицо. Такой и предстает перед нашим вниманием сгоревшая старина в Талашинке.

Жаль, на отшибе находится Теремок — пока только смоленские художники по тканям пользуются в своем творчестве его коллекциями. А ведь большинство смоленских орнаментов воплощает дух и мощь нашего времени. Ждет в гости художников Теремок!